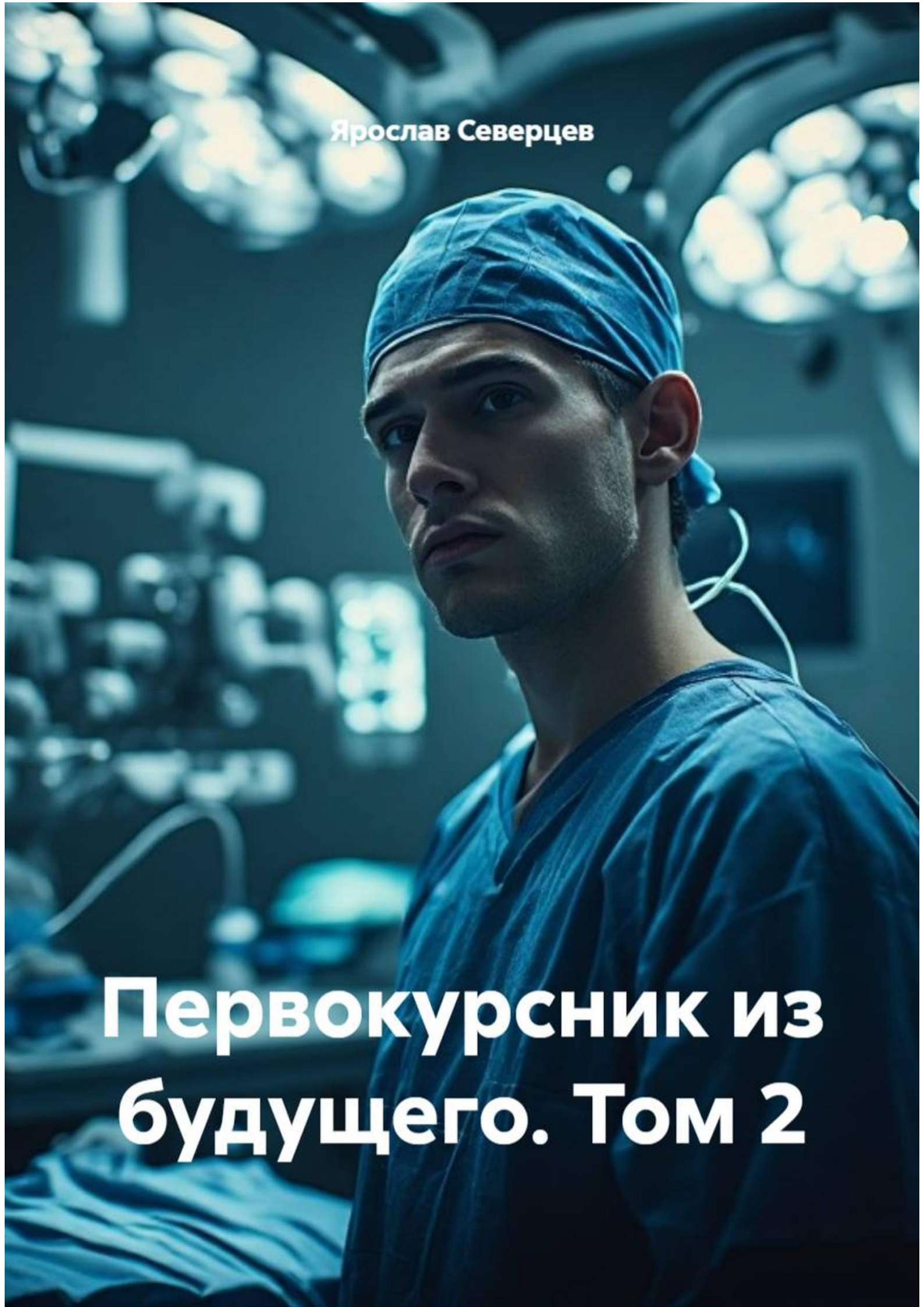

A young man with short dark hair, wearing a blue surgical cap and blue scrubs, is looking over his right shoulder towards the camera. He is in an operating room, with bright surgical lights visible in the background. The overall color palette is dominated by blue and white, with a cool, clinical atmosphere.

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего. Том 2

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего. Том 2

«Автор»

2026

Северцев Я.

Первокурсник из будущего. Том 2 / Я. Северцев — «Автор»,
2026

Марк Саламонович Вознесенский — легенда мировой нейрохирургии конца XXI века. Человек, чьи операции изучали по всему миру, а пациенты считали чудотворцем. Но одна случайная смерть перечеркнула всё. Или нет? Вместо небытия Марк приходит в себя в Москве 2026 года. Теперь он — Евгений Климов, восемнадцатилетний первокурсник медицинского университета. Избалованный мажор, прожигатель жизни и позор собственной семьи, поступивший на лечфак благодаря деньгам и связям влиятельного отца. Уважаемые читатели я попытался учесть ваши замечания оставленные по первому тому и убрал практически описание на латыни, добавил динамичности сцен на мой взгляд, и да учитывайте при покупке что это еще книга будет редактироваться, в связи с просьбами продолжения публикую сырую книгу на свой страх и риск критики!

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего. Том 2

ТОМ 2. ГЛАВА 1. Осенний синдром

Запах свежего, еще пахнущего строительной пылью и дорогим пластиком глянца окутывал новый кабинет на четвертом этаже 31-й городской больницы. Строители катарского благотворительного фонда работали со скоростью военно-инженерного батальона. Официально этот сектор теперь именовался «Международный Институт Нейропластичности», но для своих он оставался просто «Нашей лабой».

Марк Саламонович Вознесенский сидел за массивным столом из темного дуба, лениво прокручивая в пальцах холодный металлический цилиндр одноразового скальпеля. На девятнадцатилетнем теле Евгения Климова безупречно сидел каustomный хирургический костюм глубокого синего цвета. Внешне — триумфатор. Пожизненный генеральный директор фонда с капиталом в десять миллионов долларов, неприкасаемый для ректората и министерских проверок. Но внутри этого биологического сосуда прямо сейчас шла глухая, изнурительная война.

«Синусовый ритм — семьдесят два. Артериальное давление — сто двадцать на тридцать... стоп, сто тридцать на восемьдесят пять», — мысленно зафиксировал Вознесенский, прижав подушечки пальцев к пульсирующей лучевой артерии на запястье. — «Опять фаза декомпенсации. Левое полушарие перегружено процессами долговременной памяти. Векторы 2082 года слишком плотно ложатся на незрелую кору девятнадцатилетнего мажора. Нужно снизить плотность когнитивного потока, иначе я словлю инсульт прямо на следующем консилиуме».

В ушах противно, на высокой ноте зуммерил едва заметный шум. Это был вегетативный маркер усталости — плата за сорокавосемичасовой марафон с шейхом Тариком.

Дверь ординаторской мягко, без стука отворилась. В комнату вошел Никита Соколов. В его руках была зажата тяжелая папка с результатами утренних анализов и свежими картами назначений. Парень из Ижевска заметно изменился за эти недели: исчезла былая сутулость бюджетника, взгляд стал твердым, профессиональным. Спасение матери и жесткая школа Вознесенского выбили из него остатки студенческой нерешительности.

— Женя, — тихо произнес Никита, аккуратно опуская папку на край стола. — В третьем боксе все чисто. Профессор Самойлов уехал в Минздрав, его вызвали по поводу согласования квот на следующий квартал. Сияет как новенький полтинник, его там теперь чуть ли не за руку приветствуют. А у нас... там Шахов ждет. У него смена на клининге операционной закончилась. Просится на разговор.

Женя поднял глаза. Лед в его зрачках слегка подтаял, сменившись ироничной, сухой полуулыбкой умудренного опытом номенклатурщика.

— Пусть зайдет, Никита. И принеси мне нормального крепкого чая. Этот зеленый катарский сбор отдает травой и официозом, от него только диурез нарастает, а тонуса ноль.

Через полминуты в дверях появился Денис Шахов. Тот, кто еще неделю назад взрывал ночные клубы на Патриарших и швырял миллионы родительских денег, сейчас выглядел как классический первокур-вечерник после тяжелой суточной смены. Простая синяя форма младшего медицинского персонала сидела на нем мешковато, руки были слегка покрасневшими от едкого раствора хлоргексидина, а под глазами залегли темные, неэстетичные тени. В руках он сжимал старый рюкзак.

Он не упал на колени, как в прошлую субботу. Ломка эго завершилась, уступив место глухому, рабочему пониманию реальности.

— Евгений Владимирович, — негромко, соблюдая суровую субординацию лабы, произнес Денис. — Третья операционная сдана под кварцевание. Инструменты после утренней люм-

бальной пункции обработаны, заложены в сухожаровой шкаф. Соколов проверил — замечаний нет.

— Садись, Шахов, — Женя кивнул на свободный стул у окна. — В ноги кланяться больше не нужно, мы здесь занимаемся наукой, а не театром. Руки трясутся?

Денис посмотрел на свои пальцы, которые действительно слегка подрагивали от непривычной физической нагрузки — таскать тяжелые баки с отходами класса «Б» и вымывать кафель под микроскопами было не то же самое, что крутить руль Бентли.

— Трясутся, — честно признался Шахов, садясь на край стула. — Но я держу. Жека... то есть, Евгений Владимирович. Отец вчера звонил. Он узнал, что меня убрали из гранта, хотел приехать к ректору, устроить скандал. Я... я его остановил. Сказал, что сам дурак, и если он вмешается, меня вышвырнут из Сеченовки с волчьим билетом. Он не понял. Но промолчал. Спасибо, что не сдал меня СК.

— Твой отец — умный администратор, Денис, — сухо ответил Вознесенский, откидываясь на спинку кресла и крутя в пальцах ручку. — Он понимает, что живой сын-санитар в Москве лучше, чем подследственный по статье за соучастие в саботаже на VIP-объекте. Работай. Твой лимит ошибок исчерпан до конца обучения. Если Соколов хоть раз зафиксирует, что ты схалтурил на дезинфекции браншей микропинцетов — вылетишь в ту же секунду. Свободен.

Шахов молча поднялся, коротко кивнул и вышел, прикрыв за собой дверь с мягким, едва слышным щелчком.

Вознесенский остался один. Шум в ушах не прекращался. Он вытащил из кармана халата новый смартфон — старый полностью выгорел изнутри три дня назад на крыше, превратившись в сплавленный кусок кремния и пластика. Тот самый зашифрованный текст из 2082 года: *«Не доверяй Алине. Она знает, кто ты»* — до сих пор стоял перед его глазами, выжженный в памяти на молекулярном уровне.

Марк Саламонович не верил в мистику. Он был ученым-прагматиком. Если геном Евгения Климова содержал те самые маркеры направленной модификации, которые он сам разработал в конце XXI века, значит, его перенос сознания — это не милость природы. Это расчетливая, хирургическая эвакуация его разума. И Алина Воропаева, строгая отличница, идеальная староста группы и девушка, чей поцелуй в Нескучном саду до сих пор отзывался в его новом 19-летнем сердце странным, глухим теплом... кто она? Куратор? Наблюдатель? Или просто инструмент в руках тех, кто запустил проект «Первокурсник»?

Дверь ординаторской снова открылась, и комната словно наполнилась легким, едва уловимым шлейфом ванили и осенней свежести. Вошла Алина.

На ней был кашемировый свитер песочного цвета, идеально подчеркивающий ее хрупкую фигуру, а темные волосы были слегка влажными от мелкого московского дождя. Ее карие глаза светились той самой чистой, глубокой нежностью, которая еще вчера заставляла старого циника Вознесенского верить в то, что этот альтернативный 2026 год — его личный рай.

— Женя, — она подошла со спины, мягко положив свои прохладные ладони на его плечи. Ее пальцы начали аккуратно, профессионально массировать напряженные трапецевидные мышцы у основания его шеи. — Ты опять сидишь каменный. Пульс мерил? Вегетатика снова бушует? Ты обещал мне, что после выписки шейха возьмешь три дня отдыха. Катарские миллионы никуда не убегут, Сколково еще даже не начало копать котлован под новый корпус.

Женя замер под ее руками. Каждое прикосновение Алины, которое раньше приносило мгновенное успокоение его симпатической нервной системе, теперь вызывало внутренний, холодный спазм паранойи. Он внимательно смотрел на ее отражение в темном стекле окна. Лицо девушки было спокойным, любящим, без малейшего следа фальши.

«Анатомически безупречная игра или чистая искренность?» — мысленно спросил себя Марк Саламонович, аккуратно перехватывая ее за запястье и заставляя опустить руки.

— Все нормально, Алина. Просто анализирую структуру будущих лабораторий, — он повернулся к ней, удерживая ее взгляд своими ледяными, фиксированными зрачками. — Кстати, о структурах. Я тут пересматривал архивные протоколы СНО нашей кафедры за прошлый год. И наткнулся на одну странность. Твоя личная карточка при поступлении... В ней указано, что ты приехала из закрытого наукограда под Новосибирском, но в федеральном реестре абитуриентов Минздрава твои документы появились на три недели раньше, чем приемная комиссия Сеченовки вообще начала принимать заявления. Как так вышло, староста?

Алина не вздрогнула. Ее ресницы даже не дрогнули, но Вознесенский, чей глаз был наметан на микросимптомы, зафиксировал, как на долю секунды сузились ее зрачки — классическая реакция на внезапную угрозу, контролируемая корой головного мозга.

Она мягко улыбнулась, наклонилась и коснулась своими губами его щеки — поцелуй был теплым, но Женя почувствовал, как ее дыхание на мгновение стало поверхностным.

— Климов, ты становишься параноиком, — тихо сказала она, заглядывая ему в глаза. — Мой отец — военный медик, полковник медицинской службы. Спецраспределение по закрытым спискам Главного военно-медицинского управления. Ты же знаешь, как работает эта номенклатурная машина. Или ты ищешь заговоры там, где есть просто обычная бюрократия? Лучше посмотри, что пришло по закрытому каналу ректората.

Она положила перед ним тонкий планшет с гербом университета. На экране светилась копия срочного медицинского запроса из Управления делами Президента.

— Завтра утром к нам переводят пациента из Центральной клинической больницы, — голос Алины стал собранным, профессиональным. — Закрытый статус, высший уровень секретности. Диагноз: сочетанное поражение черепных нервов после минно-взрывной травмы. Правая сторона лица полностью парализована, полная потеря слуха справа, угроза прогрессирующей ишемии ствола из-за окклюзии вертебробазилярного бассейна. Консервативная терапия в ЦКБ не дает результатов. Спецслужбы требуют нашу Молодежную лабу. Они хотят увидеть «магию Климова» в действии.

Женя взглянул на снимки ангиографии, прикрепленные к файлу. Случай был тяжелейшим, на грани мануальных возможностей медицины 2026 года. Но его взгляд зацепился за фамилию пациента в верхней строчке шифрованного бланка: *«Полуянов В. М., 29 лет»*.

Внутри девятнадцатилетнего тела Климова сердце сделало мощный, болезненный кувырок. Сердце Вознесенского закричало от ярости и ледяного ужаса.

«Полуянов...» — мозг великого хирурга выдал каскад воспоминаний из его собственного будущего. Конец XXI века, темная лестница Института Бурденко, безумный взгляд мужчины с ножом, крик и холодная сталь, обрывающая жизнь 70-летнего академика. Тот убийца был старше, его звали Виктор Полуянов, и он мстил за смерть своей дочери. Здесь, в 2026 году, на экране планшета лежал его дед — молодой офицер спецслужб, чья инвалидность или смерть прямо сейчас могла полностью переписать всю временную шкалу. Если дед погибнет или останется калекой, убийца из будущего никогда не родится. А значит, Марк Вознесенский не погибнет на той лестнице.

Колесо времени, запущенное кураторами, сделало свой первый, страшный оборот. Полуянов шел прямо в руки своего будущего покойника.

ТОМ 2. ГЛАВА 2. Номенклатурный тупик

Тяжелый фарфоровый мазок синего кобальта на чашке с недопитым чаем казался Жене Климову неестественно ярким. В ушах все так же монотонно, на грани ультразвука, вибрировал вегетативный зуммер. Симпатическая нервная система девятнадцатилетнего тела продолжала медленно закипать, реагируя на фамилию «Полуянов» в шифрованном бланке.

Дверь ординаторской распахнулась с тем самым характерным, паническим стуком, который Марк Саламонович Вознесенский научился распознавать еще полвека назад в своей прошлой жизни. На пороге стоял доцент Самойлов.

Его недавний министерский лоск, сияющий новеньким значком лауреата и идеально отглаженным воротником, испарился без следа. Игорь Андреевич был бледным, его галстук-бабочка съехал набок, а подмышки дорогого хирургического пиджака потемнели от пота. Он зашел в комнату, судорожно запер за собой дверь на защелку и тяжело, со стоном опустился на кожаный диван прямо рядом с Алиной.

— Всё, Климов... Это конец. Нас обложили, — сиплым, сорванным шепотом произнес Самойлов, ослабляя узел галстука. — Я только что из Департамента здравоохранения. Нас не просто вызвали согласовать квоты. Нас зажали в тиски, из которых нет выхода.

Алина Воропаева мгновенно выпрямилась, ее карие глаза сузились, а планшет с гербом университета на ее коленях едва заметно дрогнул.

— Игорь Андреевич, успокойтесь, — жестко, с той самой профессорской хладнокровностью, которая всегда отрезвляла Самойлова, оборвал его Женя. — Без вегетативных бурь. Что конкретно произошло на Неглинной?

Самойлов судорожно сглотнул, глядя на первокурсника снизу вверх, словно ища у девятнадцатилетнего мальчишки защиты от государственной машины.

— Этот Полуянов... Которого к нам переводят из ЦКБ. Это не просто капитан спецслужб, Женя. Это племянник академика Шестакова по материнской линии и личный адъютант зам-директора ФСБ. Его ранило в закрытом секторе на Кавказе. Минно-взрывная, осколок прошел через сосцевидный отросток, разворотил внутренний слуховой проход и застрял в синусе твердой оболочки, прямо у входа в ствол мозга. Бурденко отказались. ЦКБ три дня колола ему гормоны и реополиглюкин, но там пошел прогрессирующий отек моста. Шестаков лично на коллегии Минздрава ткнул министру в лицо твои чертежи по катарскому шейху и заявил: «Раз у нас в Сеченовке появились молодые гении, пускай спасают офицера. Или пускай признаются, что операция с шейхом была разовым везением и блатным аттракционом Климова-старшего».

Женя лениво перевел взгляд на экран планшета, где светились КТ-граммы Полуянова. Его великий разум Вознесенского мгновенно, без компьютеров, выстроил трехмерную модель повреждения. Случай был ювелирным, на грани фола: осколок сидел в опасной близости от синуса, и малейший тракционный сдвиг вызвал бы такое профузное кровотечение, перед которым померкло бы даже эпидуральное кровотечение мамы Никиты Соколова.

— То есть, профессура старой школы решила устроить нам публичную мануальную казнь? — тихо резюмировал Женя, выдав тонкую, хищную ухмылку номенклатурщика из будущего.

— Именно! — Самойлов почти сорвался на крик, но вовремя прикусил язык, озираясь на дверь. — Если Полуянов умрет у нас на столе или останется глубоким инвалидом — Шестаков сожрет твоего отца. Владимира Сергеевича снимут с министерской должности до конца недели «за превышение должностных полномочий и лоббирование интересов некомпетентных родственников». Наш Международный Институт в Сколково закроют, не успев залить фундамент, а катарский грант арестует прокуратура по подозрению в незаконном финансировании медицинских экспериментов на гражданах РФ. Нас отдадут под суд, Женя! По сто двадцать четвертой статье!

Алина медленно повернула голову к Жене. Ее ладонь легла на его синее хирургическое плечо, и Марк Саламонович снова зафиксировал, что ее пальцы были ледяными, несмотря на теплоту ординаторской.

— Женя... — тихо произнесла она, и в ее голосе впервые прорезался странный, металлический оттенок, не свойственный обычной первокурснице. — Мы не имеем права брать этого пациента. Ситуация нестабильна. Риски для структуры Института превышают допустимый лимит. Мы должны отказаться по медицинским показаниям. Написать, что случай инкурабелен для базы 31-й больницы.

Вознесенский внимательно посмотрел в ее карие зрачки. В них не было страха за Самойлова или его отца. Там был холодный, математический расчет. Кураторы из будущего явно не хотели, чтобы дед его убийцы выжил. Или, наоборот, они панически боялись, что Марк Вознесенский прямо сейчас изменит будущее, уничтожив Полуянова.

— Отказаться нельзя, Алина, — сухо отрезал Женя, снимая ее руку со своего плеча. — В номенклатурных играх отказ приравнивается к безоговорочной капитуляции. Если мы подпишем отказ, Шестаков растопчет нас без всякой операции. Мы берем Полуянова. Игорь Андреевич, идите в приемный покой, готовьте реанимационный бокс номер два. Никита! — громко крикнул Женя.

Дверь смежной комнаты открылась, и Соколов пулей влетел в ординаторскую, сжимая в руке стерильный маркер.

— Я здесь, Женя.

— Готовь операционную систему. Завтра утром у нас большая анатомическая дуэль. Алина, подготовь спецификацию на швейцарский микроинструментарий, который нам привез Харитонов-старший. Нам понадобятся субмиллиметровые алмазные боры и гидроаспиратор.

Алина секунду колебалась. Ее губы сжались в тонкую линию, но профессиональный инстинкт подчинения лидеру перевесил. Она коротко кивнула и уткнулась в планшет.

В это же самое время на цокольном этаже четвертого корпуса, в узком, пахнущем сыростью и свежей побелкой коридоре перед блоком центрального стерилизационного отделения, Денис Шахов методично двигал широкой шваброй с антисептическим mopом. Брендорские кроссовки мажора с Патриарших были спрятаны под грубыми резиновыми бахилами, а его некогда холеные пальцы горели от мыльного раствора.

Ломка эго давалась тяжело, но Шахов терпел. Слова Жени о том, что его зачет по биохимии станет главной жизненной катастрофой, если он сорвется, ввелись в его мозг. Денис вытирал плинтус у закрытых дверей технического узла, когда со стороны черного выхода из вивария послышались глухие, уверенные шаги.

Шахов инстинктивно вжался в нишу за тяжелым медицинским шкафом с отходами класса «Б». В коридор вошли двое. На них не было белых халатов или хирургических пижам. Строгие, дорогие темно-серые костюмы, несмотря на сырость подвала, сидели на них безупречно. На лацкане у одного из них тускло блеснул крошечный, едва заметный серебряный значок в форме щита и меча.

Они остановились прямо у распределительного щита операционного блока четвертого этажа. Один из них — высокий, с короткой армейской стрижкой и холодным, неподвижным лицом — достал из кармана небольшой плоский прибор, отдаленно напоминающий портативный осциллограф, но с непривычным, ярко-синим интерфейсом.

— Объект Полуянов будет доставлен в 06:00, — негромко, но отчетливо произнес высокий, и его голос показался Денису лишенным всяких человеческих интонаций, словно говорил робот-информатор. — Локальная нейросеть больницы 2026 года полностью изолирована. Мы подключили скрытый контур мониторинга к центральному микроскопу Olympus. Все данные мануальных действий Климова будут транслироваться в архив Хроно-контроля в режиме реального времени.

Второй — пониже, с глубокими шрамами на левой щеке — внимательно осматривал кабели, ведущие к бесперебойным источникам питания операционной.

— Каковы инструкции на случай девиации исторического вектора? — спросил он. — Если Климов применит технологию нанотромболизиса из конца века и Полуянов восстановится без неврологического дефицита? По протоколу 2082 года Полуянов должен остаться глубоким инвалидом, чтобы его сын не поступил в военно-медицинскую академию.

Шахов за шкафом перестал дышать. Сердце парня бешено заколотило в ребра, а ладони, зажатые на черенке швабры, мгновенно взмокли. «Хроно-контроль? Протокол 2082 года?

Какой, к черту, Климов из конца века?!» — мысли Дениса лихорадочно закрутились в сумасшедшем вихре.

— Инструкции жесткие, — ответил высокий, убирая прибор в карман костюма. — В случае попытки полной энуклеации осколка с восстановлением слухового нерва, запустить дистанционный термический пробой стабилизатора частоты на микроскопе. Климов должен ослепнуть в ране на тридцать секунд. Этого хватит, чтобы синус порвался, и Шестаков закрыл эту лабу навсегда. Нам не нужен Международный Институт в Сколково на пятьдесят лет раньше срока. История должна идти по рельсам.

Они развернулись и быстрым, чеканящим шагом направились к выходу в виварий.

Денис Шахов медленно вылез из-за шкафа. Швабра со шлемом упала на мокрый линолеум. Его лицо под синей медицинской маской стало мертвенно-белым. Бывший мажор с Патриарших прудов только что понял, что его лучший друг Женя Климов — это не просто гений, а цель для каких-то страшных людей из будущего, которые готовы убить пациента прямо на столе, чтобы остановить его медицинскую империю.

ТОМ 2. ГЛАВА 3. Экстренное вскрытие

Тяжелая швабра с мокрым хлопковым mopом так и осталась лежать на холодном линолеуме цокольного этажа. Денис Шахов стоял в полумраке подвального коридора, прижавшись спиной к шершавой кирпичной кладке. Сердце парня колотилось где-то в районе горла, а в ушах все еще стоял этот ровный, лишенный человеческих интонаций голос: «...Климов должен ослепнуть в ране на тридцать секунд».

Мажорное эго Патриарших прудов окончательно рассыпалось, оставив после себя чистый, первобытный страх. Денис судорожно вытер влажные ладони о синие санитарные брюки. Нужно было бежать к Жене. Рассказать все, как есть. Про контур, про микроскоп, про 2082 год...

Шахов сделал шаг к лестнице, но тут же замер, услышав наверху, у дверей вивария, негромкий шорох кашемирового пальто. Он осторожно выглянул из-за угла.

По лестнице, ведущей из ординаторской, медленно спускалась Алина Воропаева. Ее движения были плавными, почти бесшумными. На ее плечах было то самое песочное пальто, а в руке она сжимала тонкий планшет. Она остановилась у двери, ведущей к запасному выходу во внутренний двор 31-й больницы. Из темноты арки, прямо навстречу ей, шагнул тот самый высокий мужчина в сером костюме, который минуту назад монтировал прибор в щитовой.

Денис вжал голову в плечи, боясь издать хоть звук. Лиц в полумраке было не разглядеть, но Шахов четко видел, как агент Хроно-контроля протянул Алине небольшую серебристую капсулу — точно такой же маркер ампульного типа Денис видел в фильмах про шпионов. Алина взяла капсулу, не глядя опустила ее в глубокий карман пальто и коротко, едва заметно кивнула. Они не произнесли ни слова. Мужчина растворился в сыром московском тумане, а староста группы круто развернулась и пошла обратно к лифтам.

«Она с ними...» — внутри Шахова все похолодело. — «Алина играет против Жеки. Она — их человек».

В это же самое время на четвертом этаже, в реанимационном боксе номер два, Марк Саламонович Вознесенский стоял у кровати только что доставленного капитана Полуянова. В боксе стоял тяжелый, звенящий гул медицинской аппаратуры. Мониторы слежения «Mindray» монотонно отсчитывали параметры жизнедеятельности пациента, и эти параметры выглядели катастрофически.

Молодой, широкоплечий офицер спецслужб лежал на спине, его голова была обрита, а правая сторона лица казалась неестественно сглаженной, маскообразной — классический симптом тотального паралича лицевого нерва.

— Брадикардия нарастает, — бледный как полотно Никита Соколов быстро вводил данные в карту назначений. — Пульс пятьдесят два, Женя. Артериальное давление колеблется от ста сорока до девяноста. Вклинение?

— Еще нет, Никита, но мы в полушаге от него, — сухо ответил Вознесенский, приподнимая веко Полуянова и светя в зрачок узким лучом карманного фонарика. — Левый зрачок в норме, правый — вялая реакция на свет, умеренный мидриаз. Отек моста головного мозга перешел в фазу декомпенсации. Смещающийся валик ткани начинает поджимать ядра блуждающего нерва. Если мы будем ждать до восьми утра, как требовал Шестаков, в шесть ноль-ноль у него остановится дыхание. Ретикулярная формация просто отключится.

Доцент Самойлов, стоявший у негатоскопа с утренними снимками МРТ, судорожно схватился за голову.

— Климов, ты с ума сошел?! Операция запланирована на утро! В смотровой должен сидеть академик Шестаков, комиссия Минздрава, представители ректората! Если мы вскроем Полуянова сейчас, ночью, без официального протокола согласования, это будет расценено как самоуправство и незаконное медицинское вмешательство! Нас уничтожат юридически до того, как мы закончим зашивать кожу!

— Игорь Андреевич, посмотрите на этот срез, — Женя резко постучал пальцем по пластике МРТ, указывая на темный, синусообразный контур у основания черепа. — Видите это кольцо? Осколок не просто лежит рядом с синусом. Острая фреза мины уже надрезала адвентицию внутренней яремной вены. Там держится только за счет плотного тромба и отека. Как только отек начнет спадать от вашей дегидратационной терапии — тромб вылетит. Будет такой профузный затек в четвертый желудочек, что пациент погибнет за три минуты. Времени нет. Операцию начинаем немедленно.

В бокс быстрыми шагами вошла Алина. Ее лицо было абсолютно спокойным, кашемировое пальто уже было снято, на ней была чистая хирургическая пижама.

— Женя, — ее голос прозвучал удивительно мягко, но Вознесенский зафиксировал этот скрытый, стальной напор. — Ректорат не подтвердил экстренное изменение графика. Глыбочко просил передать, что все юридические риски в этом случае ложатся исключительно на нашу лабу. Мы должны подождать хотя бы до четырех утра, чтобы успела приехать бригада усиления из ЦКБ.

Марк Саламонович Вознесенский медленно повернулся к ней. Лед в его глазах стал настолько плотным, что Алина невольно сделала полшага назад.

«Не доверяй Алине», — снова вспыхнул в памяти шифр из будущего.

— Бригада из ЦКБ умеет оперировать на латеральном субвисочном коридоре шириной в четыре миллиметра под микроскопом с гидроподвеской? — тихо, с уничтожающей иронией спросил Женя. — Нет, Алина, не умеет. Они умеют писать посмертные эпикризы и протоколы вскрытия. Никита, вызывай анестезиологов. Скажи, что Климов берет пациента по жизненным показаниям, угроза дислокации ствола. Самойлов — на первый микроретрактор. Алина... ты на аспирации. Разворачиваем третью операционную.

Через двадцать минут операционный блок номер три ГКБ №31 превратился в ночной боевой пост. Яркий, бестеневой свет лампы резал глаза, отражаясь от стерильных хромированных лотков. Капитан Полуянов уже находился под эндотрахеальным наркозом, его голова была жестко зафиксирована в металлической скобе Мейфилда, открывая хирургический доступ за правым ухом.

Мониторы слежения прерывисто, тревожно пищали: пульс удерживали на отметке пятьдесят пять ударов с помощью микродоз атропина.

Женя Климов заканчивал обработку рук у раковины. Его новое девятнадцатилетнее тело снова давало сбой — сказывался адреналиновый стресс от осознания того, что под его ножом

лежит дед его собственного убийцы. В левом виске тупо, пульсирующе стучала кровь, а ладони внутри латексных перчаток мгновенно стали влажными.

«Синусовая тахикардия, фаза декомпенсации», — привычно зафиксировал Вознесенский. — «Активировать блуждающий нерв. Задержка дыхания на четыре секунды... Плавный выдох. Работать».

Он подошел к операционному столу, прильнул к окулярам центрального микроскопа «Olympus». Тот самый прибор, в контур которого, по версии Хроно-контроля, уже была вмонтирована саботажная схема.

пространство сузилось до размеров микромира основания черепа. Женя взял в руки скальпель. Первый разрез по линии Краузе был выполнен ювелирно. Тонкая струйка крови тут же была поймана вакуумным отсосом Никиты. Фреза с сухим, хрустящим звуком преодолела заушную кость, обнажая синюшную, натянутую до предела твердую мозговую оболочку. Отек был колоссальным. Мозг буквально выпирал в костное окно.

— Рассекаю намет мозжечка, — негромко прокомментировал Женя, ведя кончик микроножниц по границе ската черепа. — Выхожу в безопасный хирургический коридор. Вижу ствол лицевого нерва... он истончен, прижат осколком к каменистой части пирамиды.

В окулярах микроскопа появилась бурая, рваная кромка металлического осколка мины. Он сидел точно в устье синуса, пульсируя в такт ударам сердца Полуянова. Малейшая ошибка — и венозный фонтан zalьет все поле, ослепляя хирурга.

— Алина, держи отсос строго под углом девяносто градусов к тройничному нерву, не смещать ось, — скомандовал Женя, беря в руки окончательный пинцет для захвата осколка.

И в этот самый момент, когда до финала сложнейшего выделения оставались считанные миллиметры, в операционную, тяжело дыша и гремя резиновыми бахилами, ворвался Денис Шахов. На нем не было стерильного халата, его синяя форма санитара была в пятнах от раствора.

— Евгений Владимирович! — диким, сорванным на хрип голосом закричал Шахов, прорываясь мимо ошарашенных ординаторов на подстраховке. — Не трогайте микроскоп! Контур заминирован! Они отключат свет в ране через секунду! Микроскоп сейчас сгорит!

Самойлов от неожиданности дернулся, едва не выронив микроретрактор. Никита Соколов замер с аспиратором. Алина Воропаева, удерживая крючок, медленно повернула голову к Шахову, и в ее глазах Денис увидел тот самый холодный, смертоносный блеск, который не оставлял сомнений: игра пошла на выбывание.

ТОМ 2. ГЛАВА 4. Тактильный слепой контур

Крик Дениса Шахова еще гулко отдавался от стерильного кафеля операционной, когда внутри центрального микроскопа «Olympus» раздался сухой, короткий щелчок, похожий на пистолетный выстрел. В ту же секунду яркий коаксиальный луч света в окулярах погас. Пространство внутри операционного коридора Полуянова мгновенно погрузилось в абсолютную, мертвую темноту. Из вентиляционной решетки прибора потянулся тонкий, едкий шлейф горелой кремниевой проводки.

— Световод сгорел! Трансформатор частоты выбило! — панически закричал доцент Самойлов, его руки, удерживавшие микроретрактор, судорожно затряслись, угрожая разорвать натянутую височную долю пациента. — Из ЦКБ... надо вызывать резервный блок! Климов, выходи из раны, мы порвем синус!

— Всем замереть! Не смей шевелить руками! — рякнул Женя Климов так, что Самойлов буквально окаменел.

Марк Саламонович Вознесенский не стал отрывать лица от темных окуляров. Его новое девятнадцатилетнее тело в этот момент испытывало дикий, запредельный адрениновый шторм — синусовая тахикардия подскочила до ста сорока ударов в минуту, в левом виске воз-

рвалась пульсирующая гематома усталости, а латекс перчаток стал скользким от пота. Но его великий разум хирурга из будущего оставался ледяным островком цинизма.

Он четко помнил слова агента, которые подслушал Шахов: *«Климов должен ослепнуть в ране на тридцать секунд»*. Это был математический расчет Хроно-контроля. За тридцать секунд вслепую обычный хирург 2026 года либо выдернет инструмент, порвав внутреннюю яремную вену, либо отек ствола выдавит мозг в костное окно, превращая офицера спецслужб в труп.

Но Вознесенский не был обычным хирургом. У него было то, чего нейросеть будущего не могла внести в свои протоколы — пятьдесят лет непрерывного мануального стажа, когда пальцы помнят плотность тканей лучше, чем любые оптические линзы.

— Никита, не качать аспиратором, держи вакуум строго на триста, — ледяным, фиксированным тоном произнес Женя. — Алина, не смещать ось зеркала. Шахов — стой где стоишь, ты всё сделал правильно. Никита, достань мой смартфон. Включай фонарик на максимальную мощность и свети прямо в порт бокового ассистента микроскопа. Мне нужен хотя бы отраженный свет на зеркалах.

Соколов среагировал мгновенно. Не выпуская из левой руки наконечник отсоса, он правой рукой выхватил из кармана халата Жени аппарат, щелкнул сенсором и прижал яркий светодиод к оптическому порту.

В окулярах темного «Olympus» появилось слабое, мертвенно-желтое, едва заметное пятно света. Визуализация упала на девяносто процентов. Анатомические границы безопасного коридора шириной в четыре миллиметра превратились в блеклые, размытые тени. Ткань моста мозга казалась однородной серой массой, а рваный край металлического осколка мины выглядел как темная точка в луже сочащейся венозной крови.

«Глубина раны — семьдесят восемь миллиметров от края чешуи», — мысленно выстроил стереотаксическую карту Вознесенский. — «Вектор наклона микропинцета — тридцать два градуса латерально. Слева — ствол лицевого нерва, толщина — ноль целых восемь десятых миллиметра. Справа — истонченная адвентиция синуса. Работаем по мышечной памяти».

Пальцы Климова, еще секунду назад дрожавшие от вегетативного срыва, замерли с точностью прецизионного гидравлического робота, едва металл окончатого пинцета коснулся костного края дужки. Марк Саламонович закрыл глаза. В темноте окуляров его тактильные рецепторы обострились до предела. Через металл инструмента он буквально кожей чувствовал структуру тканей.

Мягкое, желеобразное сопротивление — это отекавший мозг. Плотное, хрящевидное — твердая оболочка. Жёсткое, холодное и зазубренное — осколок мины.

— Пинцет на устье, — негромко произнес Женя. — Захват.

Кончики субмиллиметровых бранш швейцарского пинцета коснулись металла осколка. В этот момент Алина Воропаева, удерживавшая крючок, сделала едва заметное, микронное движение пальцами, пытаясь изменить угол тракции височной доли. Обычный ординатор этого бы не заметил, но Вознесенский зафиксировал изменение натяжения миофибрилл через изменение сопротивления в ране.

— Воропаева, еще одно движение пальцами вне моей команды — и Никита сломает тебе челюсть прямо здесь, вслед за Семеновым, — тихо, но с такой сокрушительной, мертвой яростью произнес Женя, что староста группы побледнела под маской, а ее зрачки сузились до размеров игольного ушка.

Она замерла, вернув ось ретрактора в исходные тридцать два градуса.

Женя начал медленно, по одной сотой миллиметра в секунду, вытягивать осколок по латеральному вектору. Это была чистая магия слепого скольжения. Один неверный наклон

— и рваный край железа срежет лицевой нерв, навсегда превратив Полуянова в калеку, или вскрыет синус, устраивая фатальный затеку в четвертый желудочек.

Раздался тихий, едва слышный звук сухого трения металла о кость. Хруст.

Из глубины раны, прямо под тусклый луч фонарика смартфона, ударил густой, темный фонтан венозной крови. Осколок вышел. Но адвентиция синуса все-таки не выдержала — истонченная стенка лопнула под давлением скопившейся гематомы.

— Кровотечение! Мы теряем обзор! Гемоглобин летит вниз! — панически закричала врач-анестезиолог за ширмой. — Давление семьдесят на сорок! Включаю инфузию волювена! Ребята, он уходит в асистолию!

— Шахов, быстро к лотку! — рякнул Женя, не отрываясь от окуляров. — Бери длинный биполярный коагулятор швейцарского блока. Проверь мощность — строго три ватта! Никита, аспиратор по правому краю, непрерывно забирай кровь, дай мне полсекунды сухого дна! На счет «три»! Раз... два... три!

Никита Соколов, прошедший ад первой операции, сработал как идеальный автомат. Точным движением он вогнал наконечник отсоса в латеральный канал. На долю секунды дно раны обнажилось. В тусклом желтом свете смартфона Вознесенский увидел рвущееся, сочащееся темным потоком устье яремной вены.

Он не видел анатомических границ, но его правая рука, удерживающая коагулятор, совершила то самое ювелирное движение из медицины конца XXI века. Точечное, изящное касание субмиллиметровыми браншами точно по краям прижатого сосуда.

Пшик. В воздух поднялся легкий дымок с запахом паленой ткани. Электрический ток прошел строго через стенку вены, заваривая ее по методике ступенчатого гемостаза синусов, не передавая термическое тепло на ядра блокового и лицевого нервов.

— Убирай отсос, Никита, — выдохнул Женя.

Соколов медленно отвел руку. Рана Полуянова осталась абсолютно сухой. Бурлящий кровавый поток прекратился так же мгновенно, как и начался. На дне узкого четырехмиллиметрового коридора лежал идеально чистый, заваренный венозный ствол, а рядом — полностью освобожденный от сдавливания осколком, розовый, пульсирующий в ритме сердца ствол лицевого нерва. Он был цел.

— Давление сто десять на семьдесят! Стабилизировался! — восторженный голос анестезиолога за ширмой прозвучал как салют над полем боя. — Пульс семьдесят, синусовый! Дислокации нет! Ребята, вы невероятные!

Марк Саламонович Вознесенский медленно отстранился от темных окуляров сгоревшего микроскопа. Его халат на спине был насквозь мокрым от пота, пальцы Климова крупно, судорожно подрагивали от мышечной реакции на адреналин, а к горлу подступала вегетативная тошнота перегрузки. Но в его ледяных глазах горел тот самый торжествующий, праведный огонь великого триумфатора.

Он снова переиграл систему, американскую профессуру, Шестакова и даже гребаный Хроно-контроль из 2082 года, который пытался ослепить его в ране.

— Ну вот и всё, коллеги, — Женя аккуратно положил инструменты на лоток. — Осколок удален тотально, гемостаз идеальный. Самойлов, зашивайте апоневроз и кожу, у вас это отлично получается. Никита, забирай Шахова, идите в предоперационную. Нам нужно очень серьезно поговорить. Без лишних ушей.

Женя спокойно снял перчатки, бросил их в контейнер и, слегка покачиваясь от свинцовой усталости в мышцах, пошел к выходу из блока. Алина Воропаева осталась стоять у операционного стола. Она смотрела ему в спину, и ее лицо под маской выражало тупой, фантастический шок человека, который только что осознал: этот первокурсник Климов способен оперировать даже с закрытыми глазами, ломая любые графики будущего.

ТОМ 2. ГЛАВА 5. Эффект бабочки

Запах озона от сгоревшей проводки микроскопа все еще преследовал Женю Климова в коридоре отделения реанимации. Вегетативный шум в ушах сменился тяжелым, глухим стуком крови в висках. Каждое движение девятнадцатилетнего тела давалось с трудом, словно мышцы налились жидким свинцом.

— Евгений Владимирович, я ведь не спятил, — тихо, почти умоляюще произнес Денис Шахов, догнав Женю у дверей предоперационного блока. На ходу бывший мажор с Патриарших судорожно стирал со лба капли холодного пота. — Она реально с ними. Я видел, как тот хмырь в сером костюме передал ей серебристую капсулу прямо у черного входа в виварий. Она засунула ее в карман пальто. Жека, она играет против нас!

Женя резко остановился, заставив Шахова и Никиту Соколова замереть на месте. Его ледяной, фиксированный взгляд Вознесенского буквально пригвоздил Дениса к стене коридора.

— Тихо, Шахов, — сухо оборвал его Женя, и его прокуренный юношеский баритон прозвучал пугающе ровно. — Ты всё сделал правильно. Если бы не твой крик, я бы не зафиксировал кисти на опоре на долю секунды раньше, чем выбило фазу. Твой санитарный зачет отработан на три семестра вперед. Никита, закрой Дениса в ординаторской, пусть выпьет крепкого чая и не высовывается. Нам сейчас не нужны лишние свидетели.

— А ты куда, Женя? — Никита тревожно нахмурился, крепче сжав в руке папку с историей болезни Полуянова.

— В палату интенсивной терапии. Мне нужно лично проверить параметры перфузии ствола у капитана. И кое-что забрать.

Марк Саламонович Вознесенский круто развернулся и быстрым, бесшумным шагом хирурга направился по стерильному пластиковому коридору к стеклянному боксу номер два. Внутри его разума из будущего лихорадочно крутились шестеренки клинического анализа.

«Если Полуянов выживет без неврологического дефицита, его внук Виктор в конце XXI века родится в совершенно других социальных условиях. Он не станет маргинальным психом с ножом на лестнице Института Бурденко. Он не убьет меня», — мысленно вычислял Вознесенский, чувствуя, как внутри молодого тела Климова нарастает глухой спазм. — «Но кураторы из Хроно-контроля панически боятся этого сдвига. Если история сойдет с их рельсов, вся их система управления будущим полетит к чертям. И Алина... Алина — их ликвидатор».

Женя подошел к раздвижным дверям второго бокса. Стеклопанель была слегка матовой от конденсата, но через прозрачный сектор он четко увидел то, что заставило его вегетативную нервную систему выдать новый, жесткий выброс адреналина.

Алина Воропаева стояла у изголовья кровати спящего Полуянова. На ней уже не было защитных очков, маска была сдвинута на подбородок. Ее обычно нежное, ангельское лицо сейчас казалось бледной, застывшей маской из белого фарфора. В ее правой руке, затянутой в стерильную латексную перчатку, тускло блеснул тонкий безыгольный инжектор ампульного типа — та самая серебристая капсула, которую Шахов видел в подвале. Она медленно подносила канюлю прибора к порту центрального венозного катетера, установленного на шее капитана.

Один клик — и направленный мутаген из конца XXI века мгновенно уйдет в кровоток, вызывая диффузную блокаду синапсов и ретроградную амнезию. Офицер спецслужб превратится в «овощ», не способный вспомнить даже собственное имя, и историческая ветка вернется на круги своя.

Дверь бокса отъехала в сторону с тихим, свистящим шуршанием пневматики. Алина вздрогнула, ее карие глаза расширились, но рука с инжектором рефлекторно дернулась вниз, пытаясь завершить нажатие на поршень.

Ей не хватило одной десятой доли секунды.

Девятнадцатилетнее тело Евгения Климова, ведомое молниеносными рефлексами великого Вознесенского, сработало быстрее мысли. Женя сделал один длинный, стелющийся шаг

вперед, его правая рука жестким, тисочным захватом перехватила тонкое запястье Алины, выворачивая его ладонной стороной вверх, а левая рука намертво зафиксировала ее локоть, блокируя любую возможность маневра.

— Анатомия лучезапястного сустава, Алина, очень консервативна, — тихо, почти шепотом, но с уничтожающей, ледяной яростью произнес Женя прямо ей в лицо. — При чрезмерной супинации происходит компрессия срединного нерва. Один мой нажим — и твои пальцы навсегда потеряют микромоторику. Положи прибор на стерильный лоток. Немедленно.

Алина замерла. Ее дыхание стало частым, поверхностным, капли пота выступили на ее лбу у края одноразовой шапочки. В ее карих глазах, где еще вчера Женя видел чистую, пронзительную любовь, сейчас отражался холодный, расчетливый ум врага, пойманного с поличным.

Она медленно разжала пальцы. Серебристая капсула с тихим, металлическим звоном упала на хромированную поверхность лотка для инструментов.

Женя не отпустил ее запястье. Он продолжал удерживать ее в тисках, чувствуя, как под его пальцами бешено колотится ее частый пульс — сто десять ударов в минуту. Парасимпатика старости группы тоже капитулировала перед стрессом.

— Значит, сообщение из 2082 года не лгало, — Женя чуть наклонил голову, всматриваясь в ее зрачки. — Ты знаешь, кто я. Ты с самого первого дня в анатомичке знала, что в этом теле сидит Марк Вознесенский. И твоя «чистая любовь» на пустынной аллее Нескучного сада... это был просто протокол стабилизации моего эмоционального фона, чтобы у Климова не выгорели синапсы раньше времени?

Алина внезапно перестала сопротивляться. Ее плечи бессильно опустились, а на бледных губах появилась странная, горькая ухмылка человека, который устал нести свою тайну.

— Марк... отпусти, мне больно, — тихо, без прежнего студенческого тона произнесла она, и это обращение по его настоящему имени из будущего прошло Вознесенского электрическим разрядом. — Да, я знаю, кто ты. И проект «Первокурсник» — это не твоя эвакуация. Это твоя тюрьма. Если бы ты знал, зачем тебя отправили именно в 2026 год, ты бы сам ввел себе этот мутаген.

Она резко дернула рукой, и на этот раз Женя ослабил хватку, позволяя ей сделать шаг назад. Алина потеряла покрасневшую кожу на запястье, не сводя с него своего глубокого, темного взгляда.

— Ты думаешь, что ты гений, который ломает систему? — ее голос вибрировал от избытка скрытых чувств. — Ты спас шейха, ты создал Институт в Сколково, теперь ты вытащил Полуянова... Ты совершаешь классическую ошибку мануального триумфатора, Марк! Каждое твое «чудо» здесь, в 2026 году, вызывает каскадный эффект бабочки в конце века. Из-за того, что Полуянов сейчас остался здоров, через сорок лет в Новосибирске не откроется закрытый сектор вирусологии, где должны были создать вакцину от прионного энцефалита. Погибнут миллионы людей, Марк! Твой убийца на лестнице — это была ничтожная плата за стабильность временного потока!

Марк Саламонович Вознесенский медленно взял с лотка серебристую капсулу, покрутил ее в пальцах и опустил в глубокий карман своего синего хирургического халата.

— Я нейрохирург, Алина, а не хроно-политик, — ледяным тоном ответил он, выпрямляясь во весь рост девятнадцатилетнего Климова. — Мой базовый закон — *Primum non nocere*. И если ко мне на стол ложится живой человек, я вытащу его, даже если ради этого придется сжечь все ваше будущее вместе с вашим 2082 годом. На кого конкретно ты работаешь, староста? Кто твой куратор в этой эпохе?

Алина сделала полшага к выходу из бокса, оглянувшись на спящего Полуянова, чей монитор слежения продолжал выдавать идеальные, стабильные параметры перфузии ствола.

— Скоро ты сам все увидишь, Марк, — тихо произнесла она, и в ее глазах снова промелькнула та самая безумная, отчаянная нежность, которую невозможно было сыграть по про-

токолам спецслужб. — Мой протокол стабилизации завершен. Я не смогла ввести ему раствор, потому что... потому что я совершила самую страшную ошибку для агента Контроля. Я действительно тебя полюбила, Климов. И именно поэтому мне придется уйти.

Она круто развернулась, толкнула стеклянную дверь бокса и быстрыми, почти бегущими шагами направилась к выходу из отделения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.